

8. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Директ-Медиа, 2012. 80 с.
9. Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
10. Кудрина С. А. Прогресс как ценность и обесценивание традиции // История. Семиотика. Культура: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. И. В. Демин. Самара, Самарская гуманитарная академия, 2017. С. 197-205.
11. Льюис К. Страдание. М.: Лепта, 2001. 190 с.
12. Платон. Соч. в 4 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1994. 654 с.
13. Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. М.: Институт Философии РАН, 1996. 298 с.
14. Соловьев В. С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л.: Лениздат, 1990.
15. Чаадаев П. Я. Философические письма. М., Директ-медиа, 2016. 829 с.
16. Rawls J. Collected Papers. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. London, England, 1999. P. 47–72.

Феноменология и герменевтика

Тимощук Е.А., Владимир

к. филос. н., доцент

кафедры социально-гуманитарных наук,

РАНХиГС

Феноменологическая конкретизация – это одна из коммуникативных практик, изоморфная герменевтике, способствующая образованию стыков между разнородными культурными мирами. Настоятельная потребность таких стыков вызвана пролиферацией культурных миров. Конкретизация и герменевтика способствуют формированию консенсусных образований, смысловых кластеров.

Ключевые слова: феноменология, герменевтика, конкретизация, интенциональность.

Е.А. Timoschuk, Vladimir

Phenomenology and hermeneutics

Phenomenological concretization is one of the communication practices, isomorphic to hermeneutics, contributing to the formation of junctions between heterogeneous cultural worlds. The urgent need for such joints is caused by the proliferation of cultural worlds. Concretization and hermeneutics contribute to the formation of consensus entities, semantic clusters.

Keywords: phenomenology, hermeneutics, concretization, intentionality.

Конкретизация точек неопределенности феноменолога Романа Ингардена связана с процессом легитимизации роли сознания в конституировании эстетического объекта, что выступает частью более широкого явления, которое можно охарактеризовать как установление зависимости объекта от проективных и интерпретативных актов сознания. Это глобальная тенденция служит контекстом конкретизации Ингардена и является устойчивой парадигмой. Рассмотрим истоки, развитие и многообразие конституирующего феномена сознания.

Истоки конструктивно-проективной функции сознания можно найти в деятельности по символическому толкованию, распространенную в традиционных обществах. Выступая посредниками между сакральным и профанным, жрецы делали доступной иную реальность через совокупность ритуально-нуминозных практик: «земной мир, требующий уместности хотя бы ради человеческого спасения, предполагается не осколком вечности, а обладающим возможностью причащения вечности. И момент этого причащения, когда происходит конкретизация мира (сращенность), только и образуется полнота» [9, с. 72].

Жречество долгое время охраняло монополию на обладание кодом интерпретации до тех пор, пока не взорвалась «галактика Гутенберга» в XV в. и книгопечатание перестало быть прерогативой высшего сословия. Массовое распространение чтения, отношение к чтению как к необходимому рациональному навыку на несколько столетий сделало конститутивные стратегии восприятия беспочвенными в Европе. Восприятие текста сделалось репрессивно однозначным, как этого и требовала развивающаяся наука и техника. Трансляционно-истолковательская деятельность сохранила лишь ограниченные позиции в юриспруденции и теологии.

Медиумические способности не могли долгое время оставаться не востребованными. Доступность чтения, тиражирование текстов «открыли дар» интерпретации массовому читателю. Протестантизм отрицает роль института Церкви как посредника между человеком и Богом и отныне Церковь потенциально наличествует в каждом христианине.

Появляется новая конкуренция в сфере продуцирования значений. Какой сильнейший побеждает в десакрализованной борьбе за право интерпретации? Главными критериями авторитетности толкований становятся: 1) компетентность (экспертотократия), 2) принадлежность к институтам власти, науки, 3) «раскрученность», «популярность» (в более поздний период становления СМИ).

Параллельно со становлением массового чтения проходит процесс становления массового искусства. Искусство, литература, в отличие от утилитарно-рациональной науки, сохраняет потребность в конститутивных технологиях восприятия. В. Дильтей (1833-1911) разводит два вида наук именно по отношению к познанию текста. Если науки о духе сохраняют смысловую плюральность, то науки о природе – это диктатура репрезентации формализованных, утилитарных значений.

Ф.Э.Д. Шлейермахер (1768–1834) является предвестником герменевтики как научной стратегии восприятия текста. Принцип конститутивной работы

Шлейермахера означал достижение лучшего понимания, нежели то, которым обладал автор [7].

Современная герменевтическая теория (Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр) рассматривает работу сознания с текстом как конструктивно-проективные акты. «Мир текста – это мир, который проецируется автором за пределы текста, он складывается из взаимодействия внутренней динамики повествования и его проективных (“призывных”) интенций. Онтологический статус текста пребывает как бы в “подвешенном” состоянии: он избыточен по отношению к структуре текста, он ждет прочтения. Одновременно мир текста избыточен и по отношению к миру повседневности, к миру обыденного существования. В этом, по Рикёру, фундаментальное свойство горизонта ожидания, когда рождается новое восприятие, противостоящее наличной культуре, высвечивается несоответствие между воображаемым миром и реальностью» [2, с. 85].

В.А. Кутырёв, критикует постчеловеческий когнитивизм и идеологию чужих миров – наука нам ни в чём не может помочь в нашей жизненной беде. При этом, он провозглашает традицию и биосоциального человека как основу бытия. Но что такое человек? Прах земной?! Дух?! Тогда мы возвращаемся к христианскому классицизму. Если всё есть конструкция, то какая разница между традиционной и иной реальностью?

В.С. Библер предложил кристаллическую концепцию существования текста. Текст не является инвариантом, он, как кристалл, способен преломлять разные смысловые спектры. Читатель домысливает текст до «второй жизни автора» благодаря диалогическому восприятию текста. Бесконечно-возможное бытие, заложенное в тексте, актуализируется диалогом читателя и автора. Логика текста Библера – это логика трансдукции, логика наведения на траекторию интерпретации [1] (ср. акт «трансгрессии» постмодернизма, как дифракцию, отклонение от однозначности, переход границы между возможным и невозможным).

Модель коммуникативной рациональности мы встречаем у Ю. Хабермаса. Немецкий философ и социолог полемизирует с инструментальным разумом М. Вебера, ставит задачу очищения разума от технократического монизма. Хабермас осуществляет переосмысление понятия рациональности и ее эффективности как разумной силы, способствующей гуманизации человеческих отношений. Взамен инструментальной, конечной истины экспертов, предлагается более человечная, коммуникативно-проективная социальная действительность [12].

Французская постклассическая и постнеклассическая философия (Р. Барт, М. Фуко, Л. Гольдман, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, П. Бурдьё и др.) выдвинула ряд положений, непосредственно касающихся проективной текстоориентации: 1) открытость, неопределенность текста, отрицание единственности изначально заложенного в тексте смысла (интертекст, гипертекст, ризома); 2) критика универсальности текстуальных процедур (нет текста вне культурной практики); 3) монологический характер масс-медиа симулирует коммуникацию; 4) реальность складывается из ансамблевых, разнородных структур.

М. Фуко подверг критике суверенность автора в создании текста. Текст рассматривается как самораскрепощение языка, а автор – локализация пространства текста: «Фрейд же – не просто автор Толкования сновидений или трактата Об остроумии; Маркс – не просто автор Манифеста или Капитала – они установили некую бесконечную возможность дискурсов» [13]. Произведение, книга, автор – все это лишь «узлы сетки» языка. Они маркируют направления дискурсивных практик [10]. Это, несомненно, сближает конкретизацию и лингвистический подход Фуко.

Фуко антиномичен в отношении автора. Он и вычеркивает автора и вписывает его заново. С.С. Неретина называет это двусмысленностью автора: «В авторе к тому же, а не в функции автора реализуется то, что Фуко называет сингулярной формой опыта, которая – через мысль – может нести в себе универсальные структуры. В этом случае автор выступает во вполне концептуалистском духе как именно автор, самостоятельное, особое целое, то есть не зависимое, не переоткрывающее некую мысль, а ее творящее. Эта авторская двусмысленность, очевидно, не позволила Фуко констатировать смерть автора. Можно даже сказать так: в одном смысле автор умирает, когда исчерпывающе переоткрывает дискурс; автор в другом смысле рождается, поскольку ему надо творить новый. Автор умер, да здравствует автор!» [8, с. 25]. Ингарден сторонится максимализма в оценке роли автора, он реалистично воспринимает его как конструктора схемы текста.

Ж. Бодрийяр указывает на соперничество знака и кода интерпретации. Код интерпретации обгоняет саму знаковую реальность, делает ее фантазийной, гипертрофированной. Садизм над знаком, его выпячивание, непристойная гипердетализация делает рекламу лучше: вещи, порнографию лучше секса, СМИ страшнее катастрофы, информацию важнее знания. Код осуществляет трансгрессию знаковых границ, оргиастический-объективистский панэнтеизм – все во всем (политика – это спорт, спорт – это секс, секс – это экономика).

Отдельно следует выделить Ж.-Ф. Лиотара, формулирующего нерепрезентативную эстетику, которая отрицает монопольное обладание истиной, а процветает на поле неопределенного. Лиотар критикует метанаррации (большие идеологии: спасение, научно-технический прогресс, эмансипация), разоблачает их прескриптивный террор. Идеалом Лиотара выступают гетерогенные ироничные языковые игры [6].

Ж. Делез указывал на недопустимость territorизации означаемого. Репрезентацию означаемого через классические категории субъект, объект и т.п. Делез заменяет номадическими сингулярностями. Он освобождает личностные и безличностные единичности от всякой концептуализации и лишь направляет их в потоки шизоанализа (номадизм вещей), противопоставляя паранойе идей. Вместе с Ф. Гваттари Делез представляет проективно-конструктивное сознание как клубень растения (ризому) в котором невозможны линейные стратегии интерпретации.

Ингарден в ранних работах также считал, что индивидуальные конкретизации бесконечны. Романа Ингардена отличает, однако, более взвешенная позиция

на вопросы классической онтологии и гносеологии, нежели леворадикального Жиля. Поэтому в более поздних работах Ингарден ограничил количество конкретизаций их множественностью (на количество конкретизаций влияют точки неопределенности). Ингарден, несомненно, поддержал онтологические различия, но не был бы согласен с позицией клинического конструирования Делеза. Ингарден по-немецки устойчив, чтобы заниматься террористическим расчленением философского истеблишмента в духе французской молодежи. Хотя, кто знает, посети Ингарден Париж в 60-х, возможно, он получил бы его революционный импульс.

Ж. Деррида, флагман современного постструктурализма, известен также тем, что вступил в диалог с отцом феноменологии и подверг деконструкции «принцип принципов» Гуссерля (самоочевидность сознания), взамен предлагая «принцип не-принципа». Исследователь постмодернизма И.П. Ильин так пишет о непростых отношениях коренного деконструктивиста с феноменологией: «Генетическая связь Дерриды с феноменологией несомненна, однако также несомненно и то, что его собственная позиция определялась прежде всего радикальной критикой всех основ феноменологии, критикой, рассматриваемой им как составная часть общей "критики метафизики", являющейся главной целью, смысловым ядром его негативной доктрины» [5, с. 12]. Деррида полемизирует с философией присутствия, он полагает, что настоящая жизнь текста, – это философия отсутствия [4].

Ингарден чужд логомахии постструктурализма, его феноменология продолжает рационалистическую традицию. Постмодернистское литературоведение интерпретативно, но не логоцентрично. Оно постоянно конституирует новые и новые горизонты смыслов, чуждаясь завершенности и однозначности. Деррида продолжает дело французской философской революции по расшатыванию классических категорий, что вполне отвечает современной мыслительной парадигме нестабильности. Трудно представить, чтобы Ингарден подписался под канонами постструктурализма: децентрация структуры, след вместо причины, отсутствие вместо наличия, рассеивание вместо сущности, деконструкция вместо созидания.

Конкретизация – это не аналог деконструкции, она конструктивна, она опирается на опыт традиционной европейской рационалистической философии. Конкретизация как метод завершена и эксплицитна. Деконструкция – теоретически открыта, внеметодологична, бесконечно изобретательна. Тем не менее, у них есть точки пересечения. Близость конкретизации и деконструкции заключается в отношении к тексту как к ожиданию Другого.

И конкретизация, и деконструкция снимают оппозицию читатель – текст. Конкретизация делает это указывая на схематичность текста, его потенциальность. Деконструкция расчищает пространство для мысли, указывая на привитость текстов, их сцепленность в неразрывный цитатник: одно событие живет другим событием [3].

Теоретики рецептивной эстетики (В. Изер, М. Риффатер, Х.Р. Яусс, С. Фиш) распространяют идею зависимости восприятия от контекста на все со-

общения, не только целостные тексты. Значение сообщения находится в зависимости от предпочтений интерпретатора, чье восприятие задано контекстом. На формирование контекста влияет множество факторов, которые можно сгруппировать в интертекстуальные, интратекстуальные и экстратекстуальные факторы. Адресат – это дрейфующая по волнам нарративов точка сознания, зависящая от индивидуально-психологических и от социально-исторических характеристик. Текст – это набор инструкций, удерживающий внимание адресата в некоторой смысловой арматуре.

Конкретизация Р. Ингардена может быть проанализирована средствами синергетической парадигмы, которая обращена на изучение сложных нестационарных объектов (см. пар. 2, гл. 2). Она имеет также параллели с такой формальной когнитивной процедурой, как герменевтическая интерпретация. Последняя, однако, более рациональна, социальна, исторична. Конкретизация, напротив, – эстетична, субъективна и предметна.

Известно, что основатель феноменологии Э. Гуссерль помог П. Рикёру найти свой путь в философии: «Экзистенциализм, персонализм и феноменология стали для Рикёра интеллектуальным фундаментом, начальная полярность этих составляющих – источником динамизма, импульсом поисков своего пути» [11, с. 436].

М. Ризер, подвергнувший критике многослойность и конкретизацию Р. Ингардена как несостоятельные идеи, считает, что Ингарден вынуждает реципиента доводить до конца не доделанную работу автора; ничего подобного нет, произведение завершено и поэтому не требует реализации со стороны воспринимающего [15]. Здесь можно не согласиться с критикой М. Ризера, сославшись на существующие различия между восприятием литературного произведения и его экранизацией. По опросам, проводимым автором среди студентов, сначала читавших книги, а затем видевших их экранизации, лишь порядка 20 % довольны экранизациями любимых литературных произведений. Налицо – конфликт конкретизаций. Ингарден не считал, что разные конкретизации равноценны; одни могут приближаться к исходному тексту, другие – отдаляться: «Основной пафос его теории заключается в призыве к аутентичному прочтению оригинала» [14, с. 118].

В герменевтике П. Рикёр описал подобное явление – конфликт интерпретаций. Последнее имеет интеллектуально-историческое отличие от конфликта конкретизаций, обладающим субъективно-эстетической характеристикой. С этой точки зрения, справедлива критика Р. Ингардена в отсутствие принципа историзма в его методе: «структурность эстетического восприятия как бы подменяет, целиком заслоняет собой содержательный смысл» [14, с. 114]. Однако методология Ингардена и не развивалась для анализа истории политэкономии. Для проникновения в историческую ситуацию лучше годится герменевтика Г.-Г. Гадамера, способствующая образованию новых горизонтов познания на основании понимания собственной обусловленности, ограниченности пред-понимания.

Конкретизация Р. Ингардена сопоставима с личностным знанием М. Полани, с тем различием, что Полани более концептуален, а Ингарден – более техни-

чен. Конкретизация близка также и гештальтпсихологии, утверждающей примат конструктивного постижения мира через посредство когнитивных структур нашего сознания. Не случайно и конкретизация, и гештальтпсихология имеют одни корни – феноменологию Э. Гуссерля. Восприятие последовательно загорающихся лампочек как движения гештальтпсихология объяснила наличием целостной фоновой конфигурации в сознании, гештальта. Р. Ингарден интерпретировал восприятие как взаимодействие «схематической формации» объекта и индивидуальной конкретизации, высвечивающей специфические стороны вещи. Очевидно, что оба направления придерживаются конструктивной научной стратегии, однако потенциал этой стратегии был раскрыт в разных областях.

Каждый получатель произведения искусства становится его соавтором через процесс конкретизации нового горизонта смыслов. Чем талантливее произведение искусства, тем более широкий горизонт смыслов оно образует во времени и пространстве. Дополнительные средства обогащения смыслового диапазона эстетического объекта – коммуникация, диалог, полилог. Так с одним и тем же произведением искусства постоянно происходят трансформации, и он становится многоплановым объектом герменевтики.

Иными полиморфами конкретизации следует считать понятия «точка сборки», бутстрап, ситуативизм. Граница между добром и злом в индивидуальном и коллективном сознании все время меняется и зависит от социокультурных диспозиций, которые конституируются, гештальтируются посредством актов сознания. Организованная совокупность диспозиций социокультурного и представляет, таким образом, индивидуальный жизненный мир.

Литература

1. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
2. Вдовина И. С. Феноменолого–герменевтическая методология анализа произведений искусства // Феноменология искусства. М.: ИФРАН, 1996. С. 139-159.
3. Горных А. А., Грицанов А. А. Деконструкция // История философии: Энциклопедия. Мн., 2002. С. 292-293.
4. Гуссерль, Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginem, 267 с.
5. Ильин И. П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 251 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
7. Легчилин А. А. Шлейермахер Фридрих Эрнст Даниэль // История философии: Энциклопедия. Мн., 2002. 1290 с.
8. Неретина, С. С. Автор и дискурс // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы / Отв. ред. А. П. Огурцов. М.: ИФРАН, 1998. С. 39-47.
9. Неретина С.С. Тропы и концепты. М.: ИФРАН, 1999. 277 с.

10. Силичев Д.А. Фуко М. // Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 943 с.

11. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 т. Т. 4. От романтизма до наших дней. СПб.: Петрополис, 1997. 880 с.

12. Фарман И.П. Рациональность как проблема культуры и познания // Исторические типы рациональности. М.: ИФРАН, 1995.

13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., Касталь, 1996. 448 с.

14. Ханин Д.М. Эстетическая концепция Романа Ингардена и ее анализ в современной эстетике // Вопросы философии. 1984. № 7. С. 111-119.

15. Rieser M. The Philosophy of Roman Ingarden in a Critical Light // Dialectics and Humanism. 1975. № 2.

Определиться с пониманием

Болотникова Е.Н., Самара

к. филос. н., доцент кафедры философии,
Самарский государственный технический университет

Фуко намеренно отказывался от положительных рефренов своей работы в философском пространстве. Интерпретация этого факта в герменевтических программах Шлейермахера и Гадамера дает основание предположить, что он практиковал паррессию, разрабатывая академические курсы и исследования в области истины, политики и этики.

Ключевые слова: интерпретация, герменевтика, биография, понятие, паррессия.

E.N. Bolotnikova, Samara

Decide on the understanding

Foucault deliberately refused the positive refrain of his work in the philosophical space. The interpretation of this fact in the Schleiermacher and Gadamer hermeneutic programs gives the opportunity to suggest that he practiced parrhesia by developing academic courses and studies in the field of truth, politics and ethics.

Keywords: interpretation, hermeneutics, biography, concept, parrhesia.

Жизнеспособная конструкция, идея, теория, совокупность положений получает в учебном или комментаторском изложении всегда положительное определение. Установив по какому уже устоявшемуся направлению или течению в теории и истории мысли проходит нечто подлежащее исследованию, комментатор объявляет «структурализм», «ближе к материализму», «первая в истории концепция идеального государства» и затем приступает к подведению избранно-